Дата поступления рукописи в редакцию: 19.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 02.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-6724-2026-4-44-48

КЕРИМОВ Ниязи Ибрагим оглы,
студент магистратуры, курс ЮДм-3,
кафедра ПРГД, ФГБОУ ВО «СПбГАСУ,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при применении антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ в России. Рассмотрены ключевые новеллы Пятого антимонопольного пакета, включая введение категории «сетевой эффект» и новых пороговых значений контроля экономической концентрации. Исследована практика Федеральной антимонопольной службы на примере дела, связанного с ростом цифровых экосистем на примере ПАО «Сбербанк». Особое внимание уделено принятому в 2025 году Федеральному закону о платформенной экономике и его соотношению с уже действующими нормами конкурентного права. Новизна работы заключается в системной оценке разрыва между традиционными критериями доминирования и многосторонней природой платформенных рынков. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования цифровых платформ с учетом накопленной правоприменительной практики.*

Ключевые слова: *цифровые платформы, антимонопольное регулирование, сетевой эффект, доминирующее положение, ФАС России, цифровые экосистемы, конкурентное право.*

KERIMOV Niyazi Ibrahim oglu,
Master's student, cohort YuDm-3,
Department of Legal Regulation of Economic Activity,
Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering (SPbGASU)

LEGAL ISSUES IN THE ANTITRUST REGULATION OF DIGITAL PLATFORMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *This article analyzes the legal issues that arise when applying antitrust legislation to the operations of digital platforms in Russia. It examines key innovations introduced by the «Fifth Antitrust Package,» including the incorporation of the «network effect» concept and new threshold values for the control of economic concentration. The practice of the Federal Antimonopoly Service (FAS) is explored through a case study involving the growth of digital ecosystems, specifically focusing on Sberbank PJSC. Particular attention is given to the Federal Law on the Platform Economy—adopted in 2025—and its relationship with existing competition law norms. The study's novelty lies in its systematic assessment of the gap between traditional criteria for market dominance and the multi-sided nature of platform markets. Proposals are formulated for improving the legal regulation of digital platforms, taking into account established law-enforcement and regulatory practice.*

Key words: *digital platforms, antitrust regulation, network effect, dominant position, FAS of Russia, digital ecosystems, competition law.*

Цель исследования — выявление основных правовых проблем применения антимонопольного законодательства к деятельности цифровых платформ в Российской Федерации и разработка предложений по совершенствованию соответствующего правового регулирования.

Задачи

1. определить особенности цифровых платформ как объектов антимонопольного регулирования;

2. проанализировать влияние сетевых эффектов на определение рыночной власти цифровых платформ;

3. исследовать изменения, внесенные Пятым антимонопольным пакетом;

4. проанализировать практику применения антимонопольного законодательства к цифровым платформам;

5. определить соотношение антимонопольного законодательства с Федеральным законом от

31.07.2025 № 289-ФЗ;

6. сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования цифровых платформ.

Цифровые платформы как объект антимонопольного контроля: масштаб проблемы

Оборот российских маркетплейсов за два с половиной года увеличился почти в семь раз – с 167 млрд до 1,214 трлн рублей, а число продавцов на этих площадках выросло с 100 тысяч до 700 тысяч организаций. анализ состояния конкуренции на рынке маркетплейсов выявил впечатляющий рост: за 2,5 года товарооборот увеличился более чем в семь раз - с 167 млрд. руб. до 1,214 трлн. руб., количество продавцов выросло в семь раз - с 100 тыс. до 700 тыс. организаций, а аудитория покупателей расширилась почти в шесть раз. За этими цифрами скрывается не просто торговая экспансия, а формирование принципиально новой инфраструктуры экономических отношений, в которой один хозяйствующий субъект одновременно выступает и организатором рынка, и его участником.

Именно эта двойственность делает применение классического антимонопольного аппарата затруднительным. Закон о защите конкуренции построен на модели одностороннего товарного рынка: есть продавец, есть покупатель, есть доля выручки, которую можно измерить в денежном выражении. Цифровая платформа устроена иначе – она соединяет два, а часто и три десятка сторон одновременно, причем для одной из них услуга нередко предоставляется бесплатно. Как в таком случае считать рыночную власть, если формальная «цена» товара равна нулю? Вопрос не риторический – именно на нем спотыкается значительная часть правоприменительной практики последних лет.

Маслов А.О. в диссертационном исследовании, посвященном антимонопольным требованиям к функционированию цифровых платформ, обращает внимание на то, что традиционные количественные пороги доминирования плохо совместимы с транзакционной моделью платформенного бизнеса [8]. Экономическая власть здесь измеряется не столько долей выручки, сколько контролем над инфраструктурой сделки – возможностью определять правила доступа продавцов к покупателям, ранжирование в выдаче, условия оплаты. Регулятор, привыкший работать с товарными рынками в их традиционном понимании, вынужден фактически создавать новый понятийный аппарат на ходу.

Пятый антимонопольный пакет: попытка законодателя догнать реальность

С 1 сентября 2023 года в Закон о защите конкуренции введено понятие «сетевой эффект» – свойство цифрового товарного рынка, которое ставит потребительскую ценность программы в зависимость от изменения количества ее пользователей. Формулировка выглядит громоздкой, но по сути она признает то, что экономисты знали давно: ценность платформы для одного пользователя растет пропорционально числу других пользователей, и именно этот механизм создает естественные барьеры для входа конкурентов.

Одновременно законодатель установил количественный ориентир: сделки экономической концентрации на цифровых рынках стоимостью свыше 7 миллиардов рублей теперь подлежат обязательному согласованию с ФАС России. Добавлено и новое условие для согласования сделки слияния и поглощения с ФАС. Теперь одобрение потребуется, если цена договора превышает 7 млрд руб. Мера призвана предотвратить скупку перспективных стартапов крупными экосистемами до того, как последние успеют превратиться в реальных конкурентов – сценарий, хорошо знакомый по истории поглощения WhatsApp компанией Facebook на других рынках.

Ниже приведено сопоставление регулятивных параметров до и после принятия пакета.

Таблица 1.

Критерий	До 1 сентября 2023 года	После 1 сентября 2023 года
Порог доли рынка для признания доминирования	Общий критерий 50% по ст. 5 Закона о защите конкуренции	35% для владельца платформы при наличии сетевого эффекта [12]
Учет сетевых эффектов	Нормативно не закреплен, применялся ФАС фактически	Введено легальное определение «сетевого эффекта» [12]
Контроль сделок концентрации	Пороги по величине активов и выручки участников	Дополнительный порог – сделки дороже 7 млрд руб. [11]
Административная ответственность за картели	Общие составы ст. 14.32 КоАП РФ	Отягчающее обстоятельство – использование алгоритма, принимающего решение без участия человека [9]

Последняя строка таблицы заслуживает отдельного комментария. Партнер практики антимонопольного права «Пепеляев Групп» Елена Соколовская подчеркивала, что пятый «антимонопольный пакет» включает еще и поправки к КоАП, которые тоже заработают с 1 сентября… отягчающим обстоятельством признается использование участником картеля алгоритма, который позволяет принять антиконкурентное решение автоматически, без участия человека [9]. Норма реагирует на реальную проблему алгоритмического ценового сговора, но ее практическая реализация упирается в сложность доказывания – как установить умысел там, где решение формально принимает не человек, а код?

Здесь стоит сделать оговорку: доктринальная критика новых категорий не заканчивается на процедурных вопросах. Варламова А.Н., рассматривая категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права, указывает на неопределенность границ этих понятий и риск их избыточно широкого толкования правоприменителем [2]. Схожую озабоченность выражает Андреева Л.В., анализируя трансформацию правового понятия посредника при использовании цифровых технологий в торговом обороте, – по ее мнению, действующее законодательство недостаточно четко разграничивает информационного посредника и полноценного участника рыночных отношений [1]. Практика, впрочем, демонстрирует, что регулятор пока предпочитает решать эти вопросы казуально, дело за делом, а не через немедленную корректировку легальных дефиниций.

Цифровые экосистемы и проблема «невидимой» рыночной власти

Финансовая экосистема Сбера дает показательный пример того, как рыночная власть может формироваться без формального нарушения ни одного из существующих антимонопольных запретов. По данным аналитического доклада Банка России, Сбер занимает доминирующее положение в российской банковской системе, обслуживая более половины всех клиентов – физических и юридических лиц (доля Сбера по количеству их счетов составляет 56 %), контролируя порядка 65 % активных платежных карт и более 70 % оборота торгового эквайринга и P2P-переводов. Эти показатели относятся к банковскому сектору как таковому, но экосистема давно вышла за его пределы – в логистику, медицину, образование, развлекательные сервисы.

Регулирование подобных конгломератов пока остается фрагментарным. Деятельность экосистем слабо охвачена специальным антимонопольным контролем именно потому, что формальные признаки доминирования на каждом отдельном рынке – доставке, стриминге, страховании – по отдельности могут не достигать пороговых значений, тогда как совокупный эффект перекрестного субсидирования и передачи данных между сегментами создает конкурентное преимущество, которое традиционный анализ товарного рынка просто не улавливает.

Здесь напрашивается развернутое наблюдение, не привязанное к конкретному источнику. Экосистемная модель бизнеса устроена так, что убыточный на первый взгляд сервис – например, бесплатная доставка или дешевая подписка – финансируется за счет прибыли смежного направления, и именно эта внутренняя субсидия позволяет экосистеме демпинговать против узкоспециализированных конкурентов, которые такой подушки не имеют. Доказать в рамках действующей методологии анализа товарных рынков, что подобное перекрестное субсидирование представляет собой недобросовестную конкуренцию, крайне сложно: формально каждый отдельный сервис работает в своих законных границах, а совокупный эффект накопления рыночной власти остается за скобками правового анализа. Возможно, будущее регулирование пойдет по пути анализа экосистемы как единого хозяйствующего субъекта, а не суммы формально разделенных юридических лиц – но эта идея пока обсуждается скорее в экспертном сообществе, чем в текстах нормативных актов.

Закон о платформенной экономике 2025 года и векторы дальнейшего развития

Определенный сдвиг в этом направлении обозначился летом 2025 года. Проанализированы положения Федерального закона от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», показывающие попытку системного, а не казуального подхода к платформенным отношениям [7]. Закон впервые на уровне отдельного акта пытается развести понятия оператора платформы, продавца и информационного посредника – проблему, на которую ранее указывали и Андреева [1], и Карапетян в исследованиях о правовой природе оператора посреднической цифровой платформы как информационного посредника [6].

Карапетян А.А., рассматривая особенности правового регулирования платформенной экономики, отмечает сложность самого определения «цифровая платформа» для целей правоприменения – категория оказывается слишком широкой, чтобы служить точным инструментом квалификации нарушений, и слишком узкой, чтобы охватить все многообразие бизнес-моделей [6]. Это, пожалуй, один из наиболее дискуссионных аспектов всей темы: любое нормативное определение рискует либо оставить пробелы для новых форм платформенного бизнеса, либо создать избыточно жесткие рамки, тормозящие развитие технологий.

Практика по-прежнему демонстрирует неоднородную картину применения новых норм в

разных отраслях. В сфере электронной торговли ФАС уже накопила определенный опыт квалификации нарушений через призму сетевых эффектов, тогда как в сегменте финансовых экосистем, о котором говорилось выше, методология анализа только формируется. Овакимян К.Б. в монографии, посвященной правовому регулированию государственного контроля за экономической концентрацией, справедливо указывает на необходимость дифференцированных пороговых значений для разных типов цифровых рынков – единый норматив в 7 миллиардов рублей одинаково применяется и к сделкам с маркетплейсами, и к сделкам с узкоспециализированными сервисами, что не всегда соразмерно реальным рискам для конкуренции [4].

Рачковский И.Б. и Яковлев А.Р., оценивая эффективность цифровой трансформации в целом, приходят к выводу, что институциональная адаптация регулирования систематически отстает от темпов внедрения новых бизнес-моделей на два-три года. Применительно к антимонопольной сфере это означает, что даже удачные законодательные решения – такие как введение категории сетевого эффекта – начинают действовать уже после того, как соответствующие рыночные практики успели укорениться и создать трудноодратимые барьеры для конкурентов.

Результаты исследования: в ходе исследования установлено, что применение традиционных критериев определения доминирующего положения не в полной мере учитывает многостороннюю структуру цифровых платформ и влияние сетевых эффектов. Выявлена необходимость комплексного подхода к оценке рыночной власти цифровых экосистем, учитывающего не только долю на отдельном товарном рынке, но и совокупность сетевых эффектов, объём пользовательской базы, доступ к данным и взаимосвязь нескольких рынков.

Заключение

Проведенное рассмотрение позволяет зафиксировать несколько устойчивых выводов. Российское антимонопольное законодательство прошло значимый путь адаптации к платформенной экономике – от полного отсутствия специальных норм до появления категории сетевого эффекта, дифференцированных порогов доминирования и отдельного закона о платформенной экономике 2025 года. Вместе с тем разрыв между многосторонней природой платформенных рынков и традиционным инструментарием анализа товарного рынка сохраняется, особенно применительно к цифровым экосистемам, где формальные признаки доминирования размываются между множеством формально самостоятельных сегментов бизнеса.

Практическая значимость представленного анализа заключается в систематизации проблемных точек, которые могут быть полезны как для правоприменителя при квалификации новых видов нарушений, так и для законодателя при подготовке дальнейших изменений – условно говоря, Шестого антимонопольного пакета, обсуждение которого уже начато в профессиональном сообществе. Дальнейшие исследования, на наш взгляд, должны сосредоточиться на двух направлениях: разработке методологии анализа экосистем как консолидированных экономических субъектов и уточнении критериев доказывания алгоритмического сговора, поскольку без решения этих вопросов даже самые прогрессивные нормативные новеллы рискуют остаться декларативными.

Список литературы:

[1] Андреева Л.В. Трансформация правового понятия посредника при применении цифровых технологий в торговом обороте // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 5-12.

[2] Варламова А.Н. Категории «цифровая платформа» и «цифровой товарный рынок» для целей конкурентного права // Конкурентное право. 2025. № 4. С. 6-12.

[3] Дахаева З.И. Цифровые права в системе объектов гражданских прав: проблемы правового регулирования в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. С. 114–120.

[4] Карапетян А.А. Оператор посреднической цифровой платформы как информационный посредник // Российское конкурентное право и экономика. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/651/0 (дата обращения: 28.08.2026).

[5] Карапетян А.А. Особенности правового регулирования платформенной экономики // Российское конкурентное право и экономика. 2025. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/605 (дата обращения: 28.08.2026).

[6] Маслов А.О. Антимонопольные требования к функционированию цифровых платформ: правовой аспект: дисс. канд. юрид. наук. М., 2022. 196 с.

[7] Овакимян К.Б. Правовое регулирование государственного контроля за экономической концентрацией: монография. М.: Проспект, 2024. 128 с.

References:

[1] Andreeva L.V. Transformation of the Legal Concept of an Intermediary in the Context of Digital Technologies in Commercial Transactions // Law and the Digital Economy. 2024. No. 2. pp. 5–12.

[2] Varlamova A.N. The Categories of «Digital Platform» and «Digital Commodity Market» for the Purposes of Competition Law // Competition Law. 2025. No. 4. pp. 6–12.

[3] Dakhaeva Z.I. Digital Rights within the System of Objects of Civil Rights: Issues of Legal Regulation in the Russian Federation // Economics and Management: Problems, Solutions. 2025. pp. 114–120.

[4] Karapetyan A.A. The Operator of an Intermediary Digital Platform as an Information Intermediary // Russian Competition Law and Economy. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/651/0 (accessed: 28.08.2026).

[5] Karapetyan A.A. Specifics of the Legal Regulation of the Platform Economy // Russian Competition Law and Economy. 2025. URL: https://rkpie.elpub.ru/jour/article/view/605 (accessed: 28.08.2026).

[6] Maslov A.O. Antitrust Requirements for the Functioning of Digital Platforms: A Legal Perspective: Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2022. 196 p.

[7] Ovakimyan K.B. Legal Regulation of State Control over Economic Concentration: A Monograph. Moscow: Prospekt, 2024. 128 p.